

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

О СУДЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 29

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 29. Произведения
1891–1894 гг. О суде
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880603

Содержание

Лев Николаевич Толстой	4
Предисловие к электронному изданию	6
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ	9
[О СУДЕ]	9
Комментарии Н. К. Гудзия	14
«[О СУДЕ]»	14
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ	14
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ	16
ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.	
I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лев Николаевич Толстой

[О суде]

(1891 г.)

Государственное издательство
художественной литературы
Москва – 1954

Электронное издание осуществлено
компаниями [ABBY](#) и [WEXLER](#)
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы проекта:
[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания ABBY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 29-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предостав-
ленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание
90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого
доступно на портале
www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 29-му тому
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно про-
читать
в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Перепечатка разрешается безвозмездно

Л. Н. Толстой в Бегичевке.
Фотография 1892 г.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ, НЕОКОНЧЕННОЕ

[О СУДЕ]

– Да что же, есть у вас, наконец, комната или нет? Есть или нет? – говорил с некоторым раздражением Михаил Михайлович, входя в сени постоянного двора уездного города, в котором на завтра назначено было заседание окружного суда, в котором он был присяжным.

– Пожалуйста, пожалуйста, – говорил хозяйский племянник, – сейчас, сию, сию минутую.

И хозяйский племянник, несмотря на раздражительный тон Михаила Михайловича, не отвечая ему, убежал в комнату с киотом и большими иконами, одну оставленную себе хозяевами, и что-то там стал шептаться с толстой старухой, сидевшей там за самоваром. Михаил Михайлович видел это и злился. Он устал и перемерз с дороги. Но взял на себя и молчал, осторожно оттаивая и отлепляя ледышки с усов и бороды, примерзшей к воротнику, и сбрасывая их на грязный, затоптанный пол.

Вошел увязанный платком по воротнику Ефим, его кучер.

– Прикажете вносить вещи?

– Да не добьюсь толку. Будет или не будет комната?

Худой, вертлявый племянник выскочил из хозяйской комнаты, юркнул в соседний номер, где тотчас послышался ропот и настояния племянника. Он, очевидно, выгонял недостойного жильца. Старушка, перекачиваясь своим тяжелым телом и вся дрожа, как желе, под широкой ситцевой кофтой, вышла к Михаилу Михайловичу.

– Сейчас, сейчас, батюшка, пожалуйста. Есть, есть комната. Как не быть. Пожалуйста. Вася, что же он?

– Идет, идет.

Из комнаты вывели какого-то лохматого человека и увели куда-то. А Михаила Михайловича ввели в номер накуренный, наплеванный и надышанный.

.....
Через полчаса, однако, всё устроилось, и Михаил Михайлович сидел за самоваром, разложив на свою чистую салфетку домашний белый хлеб, сыр, масло и альберт-бисквитс. Он уже напился, согрелся, и уже дурное расположение духа заменилось самым хорошим.

– Позови кучера.

– Ефим, пей чай.

– Благодарю покорно, сейчас только сена задам.

Когда Ефим вернулся, Михаил Михайлович вложил аккуратно свернутую и вставленную в черешневый пахучий мундштучок папироску и, со вкусом закулив душистый, све-

жий табак, пуская большой струей синеватый дым, поднялся.

– Садись, пей, – сказал он Ефиму и вышел в коридор узнать, кто приехал, кого нет, что слышно, нет ли знакомых, – разогнать скуку.

Разумеется, были знакомые. Знакомый был и толстый Савельев, бывший предводитель, и новый помещик Эванов, недавно купивший имение, и доктор. Михаил Михайлович был холостой помещик средней руки (800 десятин чернозему), бывший мировой судья, назначенный присяжным на эту сессию. Знакомый был и купец Берескитов, торговец хлебом, недавно разбогатевший и водивший компанию с дворянами. Всё это были присяжные. Тут же стоял и товарищ прокурора Матвеев, тоже знакомый.

С Михайлом Михайловичем все обращались осторожно, как бы боясь оскорбить его. Он был такой застенчивый, тихий, робкий и сам осторожный и до крайности учтивый в обращении. Даже громогласный толстяк Савельев и то был осторожен с ним. Такое он производил впечатление, заражая своим «не тронь меня».

– Ну вот хоть на суд вас вытащило, – сказал он, отдуваясь своими толстыми щеками, – а то сидите – он хотел [сказать]: как медведь, но остановился и сказал: дома.

– А холодно нынче.

– Да, 26 было утром. Милости прошу ко мне, – сказал Эванов. – Да не хотите ли закусить?

– Нет, благодарю.

Не прошло еще получаса, как Михаил Михайлович уже сидел за карточным столом и соображал, назначать черви или трефы, и можно ли довериться показанию доктора, сказавшего бескозырного, но неверно назначающего.

После 3-х роберов закусили, потом еще сели, еще сыграли, потом поужинали, поговорили о ценах на хлеб, о завтрашних делах. Одно дело интересно, об убийстве. Поговорили еще о соседях, выборах и разошлись. Веселого, разумеется, ничего небыло, но было то самое, что требовалось: убить время. Эта цель была достигнута, и Михаил Михайлович не видал, как прошли эти 6 часов, от 5 до 11. —

Войдя в свой номер, Михаил Михайлович разделся и слышал, как без него начался громкий хохот и говор в номере Эванова. Очевидно, он стеснял их. И ему стало грустно. Он совсем не хотел стеснять и никого не осуждал, напротив, хотел бы с ними и поврать, но как-то это не шло, и где он был, всем было неловко и скучно и ему тоже. Он разделся, убрался, похвалил Ефима за то, что он так всё разложил хорошо, и, оставив на перевернутом дне стакана откушенный сахар и достав начатую книгу, лег в постель, приготовил папироску, мармеладину и приготовился наслаждаться: лежа читать — это был роман Мопассана начатый, — он очень любил Мопассана, лежа есть мармелад круглый, рябинный и потом закурить славную папироску, аккуратно закрученную и заклеенную слюной.

— Славно! — сказал он себе, сам не зная, что славно.

Он почитал, доел, выкурил и потушил свечу, но долго не заснул: ему мешал женский голос, что-то шептавший за дверью. И по случаю этого женского голоса он вспомнил, как Савельев спрашивал его, давно ли он видел Виденеевых. Это были соседки – две дочери были. И если Савельев подозревал, что Михаил Михайлович был влюблен в них, то это была правда: он был влюблен в меньшую, и очень даже. Но то робость, что она откажет, то робость, что она только этого и ждет и примет, оттолкнули его, и он перестал ездить. «Поздно уже, поздно. 35 лет, поздно жениться, – думал Михаил Михайлович. – Проживу и так, только бы не увлекаться – глупо».

Михаил Михайлович давал себе такой совет потому, что он, очень целомудренный по натуре человек, ведущий очень воздержную жизнь, постоянно влюблялся и в влюбленном состоянии мучался, хотя и не делал внешних глупостей. Женщины были для него какими-то богинями, и это главное мешало ему жениться. Он считал себя недостойным их.

Комментарии Н. К. Гудзия

«[О СУДЕ]»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

К отрывку рассказа «О суде» относится единственная рукопись-автограф на трех нумерованных листах в 4°. Заглавия в рукописи нет. Заглавие «О суде», с припиской: «черновая», и дата 1891 г. поставлены на обложке М. Л. Толстой. Ни Дневники Толстого, ни его переписка, ни другие источники не содержат упоминаний о работе над этим отрывком.

Впервые отрывок был напечатан в III томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» под редакцией В. Г. Черткова, М. 1912, и в издании «Свободное слово», Берлин, 1912. В обоих изданиях, кроме мелких ошибок («назначить» вместо «назначать», «мучился», вместо «мучался») допущено исправление одной фразы. Вместо написанного в автографе: «Когда Ефим вернулся, Михаил Михайлович вложил аккуратно свернутую и вставленную в черешневый пахучий мундштучок папироску и, со вкусом закури́в душистый, свежий табак, пуска́я большо́й струей си́неватый дым, подня́лся» — напечатано: «Когда Ефим вернул-

ся, Михаил Михайлович аккуратно свернул и вставил в черешневый пахучий мундштучок папироску» и т. д. Текст отрывка, напечатанный в «Полном собрании художественных произведений Л. Толстого» под редакцией К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, т. XII, М. – Л. 1928, во всем совпадает с текстом, напечатанным в издании под редакцией Черткова.

В настоящем издании отрывок печатается по автографу.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМУ ТОМУ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ.

В настоящем томе печатаются художественные и публицистические произведения Л. Н. Толстого за 1891—1894 годы. Среди них – рассказы «Хозяин и работник», статьи о голоде, «Предисловие к «Крестьянским рассказам» С. Т. Семенова», неоконченные художественные произведения: «Кто прав?», «Мать», «Петр Хлебник» и др. Идейная проблематика большинства вошедших в этот том работ Л. Толстого непосредственно связана с вопросами, возникшими в жизни России в связи с охватившим страну в 1891—1893 годы голодом.

Голод был одним из проявлений крайнего обострения социальных противоречий, особенно резко обозначившихся в России в 90-е годы. В. И. Ленин писал в 1902 году в статье «Признаки банкротства»: «Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности... С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой... Государственный

строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться»¹.

1891—1894 годы явились значительным этапом в жизни и творчестве Л. Толстого. Именно в эти годы он особенно ясно осознал социальные причины тяжелого положения трудового народа. В эти годы он пришел к несомненному выводу, что долго строй насилия и угнетения продержаться не может, что «дело подходит к развязке». «Какая будет развязка, — писал он 31 мая 1892 года Г. А. Русанову, — не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, — я уверен»².

Толстой не увидел пути, который должен был привести к этой «развязке». Не революционная борьба масс за свои права, а добровольный отказ господствующих классов от привилегированного положения представлялся ему средством спасения от всех социальных зол. В этом сказалась слабость Толстого, выразителя взглядов политически отсталого патриархального крестьянства. Но величайшей заслугой писателя остается то, что «он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 6, стр. 66—67.

² Т. 66, стр. 224.

чувство протеста и негодования»³. Это стихийное чувство протеста многомиллионных масс крестьянства против помещичье-капиталистического гнета, малоземелья, податной зависимости, против темноты и забитости, экономического и политического бесправия с огромной силой и искренностью выразил Толстой в произведениях, созданных им в период 1891—1894 годов.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293—294.

I

В творчестве Толстого 1891—1894 годов центральное место принадлежит публицистике. К этому времени относятся широко известные статьи о голоде, которые явились горячим откликом писателя на всенародное бедствие.

Чтобы вполне понять и оценить все значение общественной и писательской деятельности Толстого этого времени, необходимо иметь ясное представление о той обстановке, в какой ему приходилось писать и действовать.

Уже летом 1891 года в газетах стали появляться тревожные известия из различных губерний России о надвигающемся голоде. Однако ни правительство, ни земства, ни официальная печать не проявляли беспокойства. В одной из статей августовской книжки консервативного журнала «Русский вестник» сообщалось: «Теперь недород хлебов поразил более десяти губерний, и никому не приходит в голову мысль о непосильности для государства борьбы с голодом... Печать исполняет свою обязанность, спокойно обсуждая меры необходимой помощи». Либерально-народническая «Русская мысль» так же «спокойно обсуждала меры необходимой помощи» и все свои упования и надежды возлагая на «чуткость» правительства. «Русские ведомости», в свойственном им тоне «умеренности и аккуратности», тоже старались не «пугать» общественное мнение надвигающим-

ся голодом и горячо протестовали против запрещения вывоза хлеба за границу. Даже в ноябре 1891 года, когда многие губернии охватил жесточайший голод, «Русская мысль» оптимистически утверждала: «Итак, нет причины отчаиваться и опускать руки; пусть только пойдут широким руслом частные пожертвования – и наиболее острый кризис без особого труда будет осилён».

Земства, взявшиеся за организацию помощи голодающим, возглавлялись помещиками и интеллигентами, настроенными либерально, а часто и консервативно. Они не только не требовали от правительства серьёзной помощи, но в своих статистических сведениях всеми способами «сокращали едоков» – число крестьян, нуждающихся в продовольственной или денежной ссуде. А губернская администрация находила обычно преувеличенными или излишними и эти урезанные требования и часто уменьшала размеры помощи, а то и вовсе отказывала в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.